
ТЕОРИЯ

А. М. СЕЛЕЗНЕВ

ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Можно с уверенностью сказать, что в последние десятилетия благодаря усилиям российских и зарубежных ученых формационный подход к рассмотрению всемирно-исторического процесса был дополнен цивилизационным подходом. Социально-философская методология в связи с этим существенно обогатилась. Локальная цивилизация является объективной реальностью для общественного сознания всех входящих и не входящих в нее социально-политических организмов и этнокультурных общностей.

Принципиально разные варианты развития разных цивилизаций – прорыв на новую ступень развития, длительный застой или гибель – могут быть объяснены только при условии понимания цивилизации как целостности, в которой взаимодействие всех сфер общественной жизни локальных цивилизаций – объективный, закономерный, естественноисторический процесс.

Глубинно общим для большинства известных в истории локальных цивилизаций является рентная формация¹.

¹ Известный ученый-востоковед В. П. Илюшечкин в своих трудах (см.: Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М., 1986; Илюшечкин В. П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах (опыт системно-структурного исследования). М., 1990) доказал, что социально-экономический и политический строй социальных организмов Европы, Азии и Северной Африки в древности, в средние века, а также в Новое время основывался на одной и той же ступени развития производительных сил – земледелии, скотоводстве и ручном ремесле, хотя и то, и другое, и третье претерпели значительную эволюцию с момента их появления. Одновременно он доказал, что в экономическом отношении древневосточная (азиатская),

В зависимости от того, какая разновидность рентной формации преобладает в данной докапиталистической локальной цивилизации – рабовладельческая, крепостническая, арендная или их своеобразное сочетание, – каждую из них можно отнести к определенным разновидностям рентной общественно-экономической формации, т. е. к особенному. Но основная специфика и в то же время главное отличие локальной цивилизации от рентной формации состоит в том, что она выступает не только как особенное, но и как отдельное в структуре всемирно-исторического процесса. Причем это отдельное особого рода, включающее в себя большее или меньшее количество отдельных социально-экономически и культурно более или менее сходных этносоциальных организмов и политических образований – государств.

Каждая из локальных цивилизаций характеризуется особой линией развития, заданной в основных чертах историческими, внутренними и внешними условиями своего возникновения. В рамках локальных цивилизаций постоянно взаимодействуют две противоположные тенденции – к интеграции и дезинтеграции, но в то же время каждая из локальных цивилизаций стремится оградить свою самобытность от проникновения чужеродных влияний. По сравнению с отдельными этносоциальными организмами

рабовладельческая и феодальная формы собственности на средства производства, а также соответствующие им способы соединения рабочей силы со средствами производства и формы эксплуатации являются лишь разновидностями одной и той же по своему характеру рентной собственности, рентного соединения рабочей силы со средствами производства и рентной эксплуатации.

Методологическую основу концепции В. П. Илюшечкина составляет то совершенно бесспорное положение, что Марксова теория общественно-экономических формаций по своей наиболее глубокой сущности является теорией стадийного развития общества как саморазвивающейся системы на базе и под воздействием стадийного же (ступенчатого) развития его материальных производительных сил и производства и что именно этим она отличается от всех прочих концепций стадийной общественной эволюции. С данным основополагающим положением органически связан развиваемый В. П. Илюшечкиным столь же важный и бесспорный тезис, что основу и интегративное ядро каждой из общественно-экономических формаций составляет свойственный ей общественный способ производства, представляющий собой диалектическое единство определенной формационной ступени развития производительных сил и обусловленного ею в конечном счете исторического типа производственных отношений.

локальная цивилизация обнаруживает большую устойчивость в пространственном отношении (она, как правило, охватывает крупный регион) и стабильность во времени.

Локальные цивилизации отличаются друг от друга преимущественно спецификой экономического базиса, социально-классовой структуры и политико-правовой надстройки, особенностями системы ценностей, которые оказывают существенное влияние на образ жизни тех этносоциальных организмов, которые входят в их состав. В некотором смысле локальная цивилизация – особый мир, имеющий свой особый алгоритм функционирования и развития, который лишь в конечном счете, а не непосредственно задается характером экономических законов рентной формации. Понятие конкретной локальной цивилизации фиксирует существенно общее у всех составляющих ее социальных организмов и, вместе с тем, особенное по отношению к данной формации.

Всемирно-исторический процесс с момента возникновения первых цивилизаций длительное время представлял собой процесс взаимодействия цивилизаций с варварским окружением, то есть с племенами и союзами земледельческих и скотоводческих племен, в которых процессы разложения первобытно-общинного строя и социальной дифференциации или еще не проявились, или только начались, или зашли уже достаточно далеко. С одной стороны, каждая локальная цивилизация стремилась расширить свой ареал и увеличить свое богатство за счет окружающей ее варварской периферии, а с другой – родоплеменная верхушка варваров была заинтересована в том, чтобы существенно повысить свое благосостояние за счет ограбления государств той цивилизации, с которой они постоянно соприкасались. Первые цивилизации часто гибли под ударами варваров, но, как правило, находясь уже или в стадии дезинтеграции или стадии упадка². Но как бы

² Следует обратить внимание на то обстоятельство, что дезинтеграция не всегда связана с регрессом в развитии цивилизации. Например, стадия феодальной раздробленности в Западной Европе в IX–XIII вв., конечно, означала дезинтеграцию западноевропейской цивилизации, но в данном случае она вела ее не к упадку, а к расцвету. Но сама по себе эта дезинтеграция, несомненно, как это показала судьба

там ни было, воздействие локальных цивилизаций, будь они в стадии расцвета или упадка, на варварскую периферию шло в одном направлении – ее ареал постепенно, но неуклонно сужался.

Исторические карты свидетельствуют, что еще в III тыс. до н. э. цивилизации в долинах Нила, Двуречья, Инда и Ганга представляли собой островки в, казалось, безбрежном варварском море, но уже во II тыс. до н. э. между этими четырьмя центрами цивилизованного мира протянулись в качестве связующих звеньев новые первичные цивилизации, а в Европе, Центральной Азии и на Дальнем Востоке возникли новые автохтонные цивилизации. В I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. возникают автохтонные локальные цивилизации в Центральной и Юго-Восточной Азии, в Южной и Центральной Америке, в Тропической Африке.

На рубеже II и I тыс. до н. э. историческая среда в Передней, Центральной и Южной Азии, а также на Дальнем Востоке уже настолько изменилась, что всемирно-исторический процесс, убыстряясь, по сути стал протекать как процесс взаимодействия между цивилизациями. Именно в цивилизациях концентрировалась основная масса населения земного шара, именно отсюда шли импульсы к ускорению общественного прогресса. Это, конечно, не значит, что уже с тех пор варварская периферия выступала лишь в качестве пассивного объекта для военно-политического, экономического, культурного воздействия цивилизованных народов и что к ним полностью перешла историческая инициатива. Нет, это далеко не так. Достаточно вспомнить, что античная цивилизация в регионе Западной Европы в V в. погибла под ударами варварских германских племен, что арабские варвары-кочевники в VII–VIII вв. завоевали значительную часть территории византийской и парфянской цивилизаций, что монголо-татарское нашествие в XIII в. радикально перекроило политическую карту Азии и значительной части Европы, что в 1648 г.

Киевской Руси, ослабляла средневековое государство западноевропейской, византийской и других цивилизаций перед ударами варваров-кочевников.

маньчжурские варвары завоевали китайско-конфуцианскую цивилизацию. Политическое господство маньчжуров в Китае, как известно, продолжалось до начала XX в.

Предел нашествиям варваров фактически кладет лишь западноевропейская феодальная цивилизация в период ее трансформации в капиталистическую. Феодальная Испания в начале XVI в. буквально поглотила первичные цивилизации Мексики и Перу. В XVI и XVII вв. вдоль атлантического и тихоокеанского побережий Америки стали селиться европейские колонисты. Завоевание феодальным Московским государством в середине XVI в. Среднего и Южного Поволжья, присоединение затем к нему Сибири и, наконец, выход в середине XVII в. русских первопроходцев на побережье Тихого океана также существенно ограничили возможность самостоятельного политического действия варварской периферии в регионах Восточной и Центральной Азии.

Взаимное влияние цивилизаций – непосредственное или опосредованное – шло по разным направлениям: техническом, экономическом, политическом, мировоззренческом и другом. Главными каналами взаимного влияния являлись мирные сношения, преимущественно торговля, и войны между государствами разной цивилизационной принадлежности.

Производственное влияние, влияние заимствований в области техники и технологии сельскохозяйственного и ремесленного производств, а также в области науки явились определяющими, но только в конечном счете. Как известно, ни порох, ни бумага, ни магнитная стрелка не являются европейскими изобретениями. Они были изобретены в пределах весьма удаленных от Европы китайской и индийской цивилизаций. В начале II тыс. оба эти изобретения были уже хорошо известны государствам арабо-мусульманской цивилизации, но к каким бы то ни было серьезным изменениям в общественном строе они не привели. Только в социально-экономических условиях средневековой европейской цивилизации, начиная, примерно, с

XIV в., они смогли сыграть поистине революционизирующую роль в промышленности, торговле и военном деле. Благодаря активному использованию этих и многих других изобретений чужестранного происхождения, да и всё более увеличивающегося количества своих собственных изобретений (часы, печатный станок и др.) западноевропейская цивилизация в XVI веке от весьма опосредованных контактов с индо-буддийской и китайско-конфуцианской цивилизациями смогла перейти к прямым, непосредственным контактам с ними, всё решительнее дополняя торговую экспансию в Азии и Африке военно-политическими акциями, колониальными захватами.

В истории нередко случалось, что государства, принадлежавшие к одной цивилизации, вступали в военно-политический союз с государствами другой цивилизации в целях ослабления мощи соседних государств своей же цивилизации. Эти факты, конечно, свидетельствуют об известной зыбкости границ между цивилизациями. Тем не менее эти границы сохранялись и, соответственно, сохранялись локальные цивилизации как относительно устойчивые, особые миры. Особой устойчивостью традиций отличались такие третичные цивилизации рентной формации, как арабо-мусульманская, индо-буддийская и китайско-конфуцианская. Лишь государствам западноевропейской капиталистической цивилизации, да и то лишь на индустриальной стадии ее развития, удалось пробить брешь в этих цивилизациях, покоившихся на азиатском способе производства, предварительно военной силой установив в государствах этих цивилизаций свое колониальное или полуколониальное господство. Трансформация этих цивилизаций в капиталистическую началась с насильственного насаждения в них западноевропейскими, а затем и североамериканскими завоевателями капиталистических форм хозяйствования и создания благоприятных условий для предпринимательской деятельности местных купеческих и ростовщических слоев. В меру развития капиталистического уклада хозяйства государства

этих цивилизаций меняли свою формационную принадлежность, а вместе с ней и наиболее существенные черты своей прежней цивилизации.

Развертывание межформационной капиталистической общественно-экономической революции³ как естественно-исторического процесса перехода от рентного (феодалного и азиатского) способа производства к капиталистическому, занявшему во времени – если датировать его начало рубежом XV–XVI вв., то есть открытием Америки и океанического пути из Европы в Южную Азию, и завершение военно-политическим разделом мира между империалистическими державами к началу XX в. – значительный промежуток, заставляет нас рассматривать ее как революцию не только в материально-производственном и экономическом бытии общества, но и в его социально-политическом бытии. Ведь не случайно К. Маркс называл насилие и экономической потенцией, и повивальной бабкой истории, то есть включал политические, в особенности революционные, действия масс в причинно-следственную цепь всемирно-исторического процесса.

Особенно интенсивно процесс нивелирования восточных цивилизаций и их перестройки по образу и подобию западноевропейских государств стал протекать после того, как страны этих цивилизаций из преимущественно аграрных стали превращаться в индустриальные. Только фабрично-заводское машинное производство, представляющее, по выражению К. Маркса, адекватную материально-техническую базу и доказавшее бесспорное превосходство капиталистического способа производства над рентным, дало возможность капиталистическим странам Европы и

³ Когда мы рассматриваем революцию одновременно и как процесс и как продукт жизнедеятельности общества, мы не можем игнорировать то обстоятельство, что революция одновременно является и моментом его функционирования, и моментом его развития. Не переживая периодически революций, жизнестойкое общество не может функционировать, не может поддерживать себя как систему в состоянии динамического равновесия. Представить себе общество в виде только эволюционных изменений, значит, представить его в состоянии перманентного застоя.

Америки колониальными и полуколониальными методами буквально втянуть страны Востока в мировую систему капиталистического хозяйства.

Показательна в этом отношении Турция, которая не только в пору своего политического могущества (с момента возникновения в виде мусульманской Османской империи в течение XIV–XVII вв. она серьезно потеснила христианские государства на юго-востоке Европы), но и в пору затяжного кризиса XVIII и XIX вв. лишь в малой степени поддавалась западноевропейскому буржуазному влиянию. И только в XX в. Турция, претерпев серьезные внутривнутриполитические пертурбации, прочно встала на путь капиталистического развития, в какой-то мере явившись образцом модернизации материальной и духовной жизни для других мусульманских стран.

Капиталистическая цивилизация тем больше преуспевала в своей экспансии против восточных рентных цивилизаций, чем быстрее на европейском и латиноамериканском континентах феодальные порядки сменялись капиталистическими. Вполне понятно, что в силу генетической близости отсталых стран феодальной Европы и Латинской Америки с передовыми буржуазными странами Европы и Северной Америки (и те и другие рассматривали друг друга как принадлежавшие к одной и той же христианской цивилизации) переход первых на путь капитализма проходил значительно быстрее и менее болезненно, чем столь же отсталых стран, но входивших в состав восточных цивилизаций. В то же время генетическая близость многих феодальных европейских и латиноамериканских стран с передовыми европейскими капиталистическими странами отнюдь не предопределяла такой ход исторического развития, согласно которому на путь капитализма сначала должны были стать все страны, ведущие свое происхождение от западноевропейской феодальной цивилизации, и лишь затем страны других цивилизаций. Такой роковой предопределенности не могло быть как в силу быстрой смены ситуаций в международных отношениях, так и в силу особенно-

стей развития отдельных стран, входивших в состав западной и восточных цивилизаций.

Интересно сравнить исторические пути Японии и стран Латинской Америки.

Средневековая японская цивилизация во многом была похожа на китайско-конфуцианскую, тем не менее к середине XIX в. в отличие от последней здесь сложился капиталистический уклад хозяйства. Решительно отказавшись от изоляционистской политики и проведя ряд реформ буржуазного характера в ходе и после так называемой революции Мэйдзи, Япония уже в конце XIX века превратилась в сильную империалистическую державу.

В латиноамериканских странах, обретших политическую независимость в начале XIX в. в результате победы народов этих стран в национально-освободительной войне против испанских и португальских колонизаторов, капиталистический уклад, по сути дела, только-только начал зарождаться. Феодалные Испания и Португалия в течение трех столетий после завоевания Центральной и Южной Америки – с начала 1500-х по начало 1800-х гг. – не разрешали населению своих колониальных владений вступать в какие бы то ни было экономические связи с капиталистическими странами Европы и Северной Америки, давая им право вести торговлю только со своими метрополиями. Во многом замедленное экономическое развитие стран Латинской Америки объясняется также особенностями сложившейся в течение трех веков латиноамериканской цивилизации как синтезе европейской, точнее, пиренейской и местных, автохтонных культур. С первых же лет своего самостоятельного существования и фактически по сию пору эти страны развиваются как страны зависимого капитализма, они как бы обречены пребывать в разряде стран, которые догоняют, но так и не могут догнать передовые страны Европы, Северной Америки и Японию.

В каждый относительно короткий период истории, измеряемый жизнью одного поколения людей, выдвигание на первый план во всемирно-историческом процессе того

или иного социально-политического организма, той или иной цивилизации оказывается результатом действия многих сил. Причем в глубине всемирно-исторического процесса этот результат является следствием взаимодействия различных сфер общественной жизни на основе экономики. На поверхности же всемирно-исторического процесса он выступает как следствие взаимодействия различных социальных организмов, принадлежащих к разным цивилизациям или к их варварской периферии. Сила же того или иного государства в каждый данный момент зависит не только от благоприятного стечения объективных внутренних и международных условий, но и от его субъективного состояния, от способности народа, которого представляет на международной арене государство, перестроить свои социально-экономические и политические порядки в соответствии со сложившейся в данной исторической ситуации закономерностью. Иными словами, роль субъективного фактора в каждой исторической ситуации чрезвычайно велика.

Субъективный фактор, его проявление на международной арене в виде самостоятельных действий отдельных государств или их коалиций, существенно влияет на характер и конкретный облик следующих одна за другой исторических ситуаций. Вот почему заблаговременно, за несколько исторических ситуаций вперед невозможно предсказать, какие народы в будущем выйдут на передний план во всемирно-историческом процессе, как нельзя и, возвращаясь мысленно на несколько исторических ситуаций назад, в прошлое, искать в них знамений авангардной роли того или иного народа в настоящем.

Из сказанного следует, что причинно-следственные зависимости, проявившиеся в эпоху перехода от первобытно-общинной формации к классово-антагонистической, рентной формации, а затем во взаимодействии цивилизаций друг с другом и с варварской периферией в эпоху рентной формации и, наконец, в эпоху перехода от рентной формации к капиталистической, весьма сложны. Необходимость перехода от первобытно-общинной формации к

рентной, а от нее к капиталистической пробивает себе дорогу через практически бесконечную череду случайностей. Жестко детерминированный в своей основе процесс предстает на поверхности как процесс вероятностный. Но за всеми поворотами истории, за зигзагообразным ходом неявного соревнования параллельно развивающихся цивилизаций, за перемещениями центров всемирно-исторического процесса просматривается неуклонное поступательное движение по направлению, которое в основных своих чертах определяется развитием производительных сил. Причем сначала от тысячелетия к тысячелетию, а затем, примерно с XI в., от столетия к столетию явственно обнаруживается тенденция к ускорению общественного прогресса.